

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 30

15 июля 1944 года

№ 30

428

СОДЕРЖАНИЕ:

Десятая беседа старого казака
с молодыми

★

Исторические очерки Дона —
(продолжение) — П. Н. Крас-
нов

◆

Анрей Холостов — очерк
П. Никонова

◆

Старый вахмистр

★

В гнезде орлят — М. З.

★

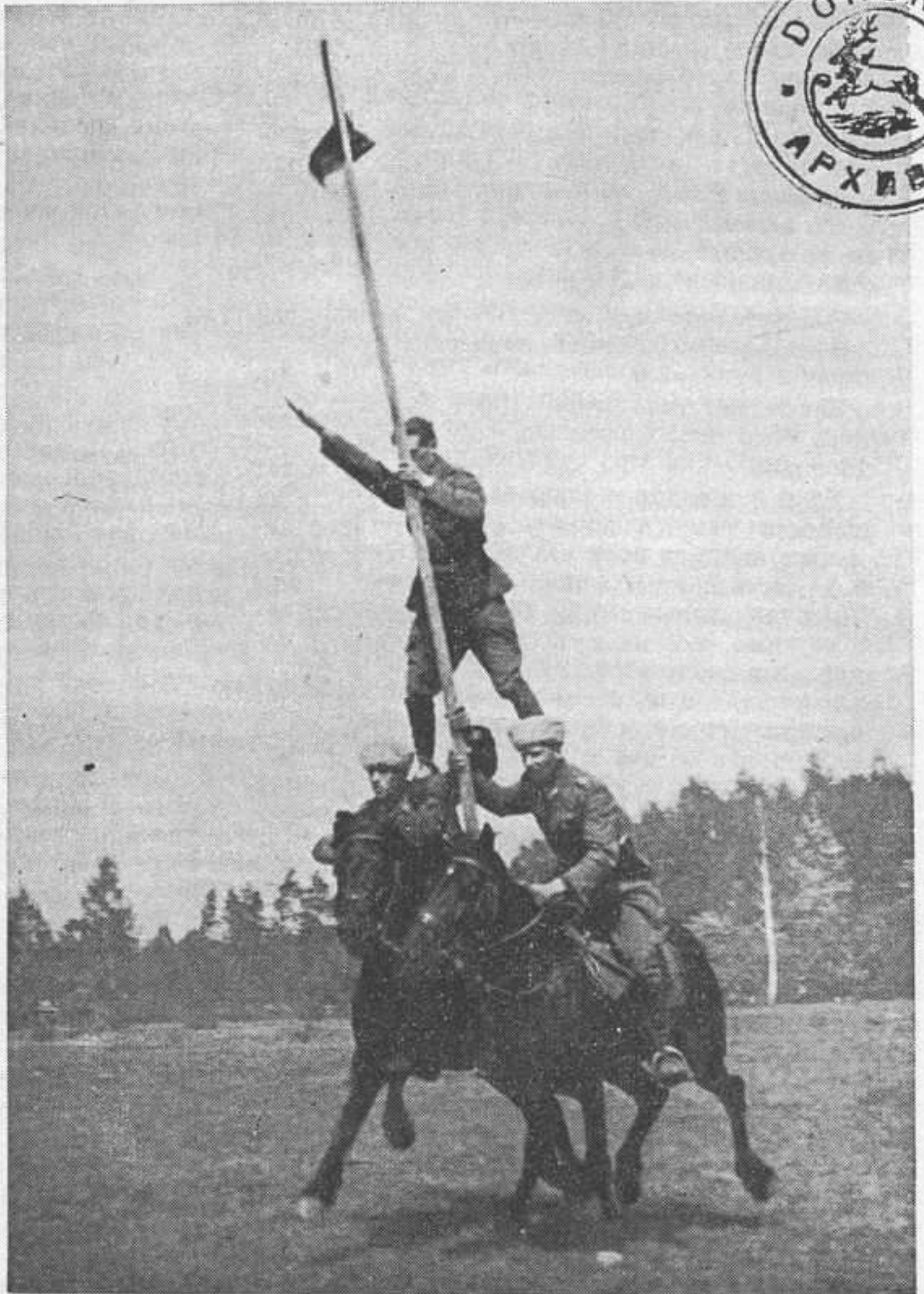
У казаков — Уралец

★

Ставропольцы — Мих. Земцов

★

Розыски

Казачья джигитовка

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Беседы старого казака с молодыми

Беседа десятая Приказ полку

Приказ полку... Иногда видишь: — «приказ по полку» или «приказ по такой-то части». Это неграмотно. Можно приказать казаку Иванову, или приказать такому то полку, но никак нельзя приказать «по казаку Иванову», или «по полку»... Обязанность начальника полкового штаба (полкового адъютанта) это выправить. Особенно в казачьей части, где все до мелочей должно быть верно, точно и отчетливо.

Приказ полку — полковая хроника. На основании его потом будет создаваться полковая история... Приказ полку — школа и воспитание всех чинов полка. Потому то на него и должно быть обращено самое серьезное внимание.

В приказе — №, число, месяц, год; в боевом приказе, тайном, конечно, если нужно — и час отдачи приказа. Если место нахождения полка не составляет тайны — то и место отдачи приказа, или № его полевой почты. Дальше наряд на службу — кто дежурный по полку, кто его помощник, от какой сотни (эскадрона, роты) караул, какие и куда посты выставляет.

После этого обычного ежедневного распорядка службы полка идет: — **часть строевая.**

Какие занятия должны быть произведены завтра? Если ничего особенного не предполагается — пишется: — «завтра занятия по расписанию».

Если командир полка на завтра предполагает выйти из рамок полкового расписания, произвести маневр частями полка, боевую стрельбу, какоенибудь состязание, или полк в полном-ли составе или частично должен куданибудь идти на учения с другими частями — в приказе отдается: для какой цели собирается полк, место построения, в каком строю и в каком составе должен быть построен полк; в котором часу, форма одежды — в мундирах, шинелях; какое оружие должно быть взято и т. д. Точность отдачи в приказе всех подробностей построения полка даст возможность избежать суеты, беспорядка, излишней беготни и расприсов. Полк своевременно соберется, в полном порядке, однообразно одетый на учение, маневр или поход.

В следующем параграфе командир сообщает о том, что он смотрел в полку, какие он сделал замечания и поправки. Он указывает, как нужно исправить ошибки. Это очень существенная часть приказа. Бывает, что подразделения полка разбросаны на большой площади. Сотня от сотни отделены на сотни верст; командир полка не имеет возможности бывать часто в сотнях, удаленных от штаба полка и проверять в них порядок и обучение. Командиры-же сотень, удаленных от штаба, читая приказ, по замечаниям командира полка другим сотням выправляют свои сотни. Так и при разбросанном расположении полка путем толково составленного приказа полку создается единообразное обучение и воспитание полка.

Дальше идут параграфы о производстве в офицерские чины; о производстве в урядники, вахмистры и приказные (ефрейторы); отдача благодар-

ности «от лица службы», тем, кто такую благодарность заслужил; о полученных казаками полка наградах и пр.

Потом — параграфы о провинившихся, отдача «выговоров в приказе»; об арестах в дисциплинарном порядке, о предании суду и пр.

Потом помещаются параграфы о служебных перемещениях, об откомандировании от полка, прикомандировании к полку и для чего; о заболевших казаках; о выздоровевших и прибывших из госпиталей; о заболевших лошадях и пр.

Здесь строевая часть приказа подходит к **хозяйственной.** «Денежка счет любит». «Копеечка рубль бережет». Хотя и находятся казачьи части в ведении немецкого интендантства и немецкие «цальмейстеры»-казначей блюдут каждый пфениг, каждую выданную вещь — будь то оружие, мундирная одежда, амуниция или белье — как облегчит этому «цальмейстеру» толково ведомая и подтвержденная приказом полку каждая мелочь полкового хозяйства. Опытный делопроизводитель хозяйственной части, согласуясь с учетом казаков и лошадей в строевой части приказа, поможет учитывать расход денег, довольствия и вещей в полку. Так создается в полку **законная экономия**, которая даст средства командиру улучшить быт полка, обзавестись имуществом, которое **нужно** полку и на которое отпуска от казны нет.

Ежедневно, на вечерней заре, после переклички, вахмистр читает перед сотней приказ полку. Весь минувший день и то, что нужно делать завтра становится известным казакам. Если нужно, командир сотни, присутствуя на перекличке, дополняет и разъясняет то, что отдано в приказе. Он отдает все нужные распоряжения и с вахмистром и урядниками (унтер-офицерами) делает наряды на службу и отдает распоряжения на завтра.

Так воля командира полка доходит ежедневно до каждого казака и связывает полк в одно целое. «Каждый воин должен знать свой маневр».

Приказ полку посылается командиру бригады и начальнику дивизии. Старшие начальники из дня в день могут следить за тем, что делается в их полках, батареях и командах. Они в свою очередь отдают приказы, которые посылаются вниз — в полки и другие подразделения и служат указаниями младшим начальникам, и вверх — командиру корпуса. Так, идя дальше в армию, на фронт, к главнокомандующему создается **единство жизни армии.**

Свою первую беседу с вами я начал с рассказа о военной иерархии, о создании сотни, эскадрона, роты — о ее маленьких, но как необходимых чинах. В сегодняшней беседе я говорю вам о той большой иерархии, которая сковывает миллионы людей в одно могучее, несокрушимое, победоносное целое.

Как великолепно и справедливо сказал министр пропаганды Геббельс: — «**Фюрер приказал — мы исполняем**»...

Через ряд приказов, приказаний, телеграмм, радиogramм воля Вождя Германского народа дойдет до полка и отразится в приказе полку. Когда чи-

таем мы, что такому то полку, сотне, батальону, эскадрону, батарее нужно вдруг покинуть близкий и дорогой казачьему сердцу восток, наше направление идти на Балканы, в Сербию и Кroatию, или на дальний запад, на побережье Атлантического океана — сколько недоуменных вопросов возникает в казачьем сердце: — «зачем? почему? Ведь наша цель там, где наши казачьи края»...

Теперь, когда в проливе между океанами, решаются самые судьбы войны, когда идет наша общая победа, мы вдруг видим, как мудро, наверху, все зная, все учитывая распорядились нами. Там точно знали, где нужно бить врага, чтобы его победить.

Какая от этого вера является у каждого казака! Он знает, что, когда должен показать он «доблесть без прикрас», когда приходится ему

«Забудь весь мир для цели высшей,
Желанья воли победив»,

когда он исполняет приказ полку, он исполняет не «чей то приказ», не приказ своего командира полка, но дошедший до него путем военной иерархии приказ Вождя Германского народа Адольфа Хитлера.

«Фюрер приказал — мы исполняем»...

Приказ — есть приказ. Он и звучать должен, как приказ — повелительно, без колебания, безотговорочно. Нельзя в приказе полку писать: — «завтра произвести сотенные, (эскадронные) конные учения, если не будет дождя»... Дождь, снежная буря, гроза, ливень, зной, пусть хотя и камни сыпятся с неба — ничто не должно мешать исполнению раз отданного приказа, ничто не должно мешать ученью или маневру. Суворов заповедал нам — «тяжело на ученьи — легко на походе»...

Еще строже, точнее и повелительнее должен быть отдан боевой приказ. Никак нельзя писать: — «взять с боя такую то деревню или высоту, если это будет возможно»... или «удерживать такой то рубеж, если не будет сильного натиска»... Нет! Никакой оглядки назад!... Никакого колебания!... «Взять!... Штурмовать!!... Сломить неприятеля!... Победить!!... Удержать позицию!...»

Это требует от отдающего приказ полного сознания того, что он требует. Начальник немецкого Генерального Штаба фон Мольтке (1858—1871) учил: «erst wägen — dann wagen» — «сначала взвесить — потом решиться»... Но, взвесив все, идти безповоротно к победе. И какие тогда были у немцев победы в Австрии и Франции: — Кениггрец, Верд, Седан, Париж, пленение всей французской армии с самим императором французов!!...

Командир полка и его начальник штаба (полковой адъютант), составляя в мирной обстановке приказ полку, должны приучиться продуманно назначать ученья, чтобы не отдать невозможного. Нужно приучить, что раз что отдано в приказе то должно быть исполнено. Во что бы то ни стало! Ни перемены, ни отмены не будет: «erst wägen — dann wagen».

Тогда и боевой приказ, таким непоколебимым тоном отданный, — будет исполнен без оглядки назад, без колебаний, в сознании каждым казаком, что раз приказ отдан — он должен быть исполнен. Потому и нельзя отдавать таких приказов, которые нельзя исполнить. Так нельзя требовать, чтобы пехотная колонна прошла десять верст в час; чтобы сотня в конном строю взяла в лоб укрепленную

Германский генерал беседует с самым молодым казаком-добровольцем

и прикрытую рядом минных полей, проволочных заграждений и железобетонных бункеров позицию. «Erst wägen — dann wagen».

Такой непродуманный, безумный приказ отдал американский главнокомандующий Эйзенговер, когда бросил свой воздушный десант — парашютистов и аэропланы с прицепными планерами, груженными войсками 6-го июня сего года в тыл немецким позициям в устье реки Сены. Они все и погибли. Без славы и без толка...

Вижу на ваших лицах недоумение. Для чего это я говорю вам, молодым казакам и лейтенантам? Разве придется вам командовать полками и отдавать им приказы?

Но... Ведь каждый из вас возит в седельном вьюке, или носит в своем ранце — атаманский пернач... Перед каждым — широкая дорога славы, подвига, чести, отличий, повышений. Кто из вас знает, кем вы будете через десять, двадцать лет? Но слова, услышанные вами в молодые годы запомнятся навсегда. В тот торжественный и великий день, когда ктонибудь из вас примет полк и ему придется с начальником полкового штаба составлять свой первый приказ — он вспомнит то, что говорил ему старый казак, давно уже умерший, сидя у костра; и он продуманно приказами поведет свой полк и сумеет создать, обучить и воспитать его так, что им будет гордиться его родное войско...

Старый казак

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Продолжение

XXXV

Детство Матвея Платова. Суворовская школа. Платов — атаман Екатеринославских и Чугуевских казаков. Представление Императрице Екатерине II. Награды. Арест при Императоре Павле. Платов создатель «Платовской» лавы. Стихотворение о Платове Жуковского. Поучения Платова: о добыче, об убитых. Возвращение Платова на Дон после заграничного похода. Кончина Платова.

Матвей Иванович Платов родился 6-го августа 1751-го года в Старо-Черкасской станице. Отец его войсковой старшина, выслужившийся из простых казаков.

В детстве — бедность. Поэтому недостаток образования. Учить нужно было посылать в Москву, Киев, или Воронеж; на это нужны были средства — их у отца Платова не было.

От отца и матери Матвей научился читать и писать по русски, да был твердо наставлен в православной вере. Отгь ниже наследовал он страстное обожание своей родины — Тихого Дона. От них наслушался о прошлых подвигах Донских казаков.

Юность — походы и великая Суворовская школа. От нее многому научился и многое перенял юный Платов.

С 13 лет Платов в строю урядником. В 19 лет Платов сотником в Крыму при князе Долгоруком. Молодец офицер, лхой наездник, исполнительный, грабрый и доблестный, он скоро дослужился до чина есаула и был назначен командиром конвойной сотни, составленной из казаков разных полков.

В 25 года Платов полковник и командир своего имени полка. Он отличается на Кубани в боях 3-го апреля 1774-го года. Потом попадает в отряд Суворова, посланного для разыскания и рассеяния разбойничьих шаек Пугачева.

Во вторую турецкую войну Платов знакомится с Потемкиным. В 1790 году идет с Суворовым на штурм Измаила.

Потемкин сразу заметил и отличил молодого полковника, командира Донского казачьего полка. Он назначил сорокалетнего генерал-майора Платова атаманом Екатеринославских и Чугуевских казаков. Он же доложил Императрице Екатерине II о подвигах Платова, и Императрица пожелала лично познакомиться с молодым героем. Платов был вызван в Петербург. Императрица обласкала Платова, наградила его орденом святого и равноапостольного Владимира 2-й степени и саблею, украшенную алмазами с надписью «за храбрость».

При Императоре Павле, в 1799-м году, Платов, находясь в Петербурге просил об увольнении его в отпуск, на Дон, к семье. На него был сделан донос, будто он едет на Дон с целью поднимать казаков на бунт. На полпути на Дон Платов был арестован и отправлен сначала в Кострому, а оттуда в холодный каземат Петро-Павловской крепости в Петербурге.

Потом было ...как в сказке... Государева ласка... Посылка с чрезвычайным поручением на Дон поднимать казаков в поголовное ополчение для похода ...«на Индию»...

Пятидесяти лет, в 1801-м году, Платов — атаман войска Донского. Потом — походы... походы... походы... Пруссию сменяет Турция. С рек Алле и Пассарги на реку Дунай; потом с Дуная на Вислу и Березину — тяжелая отечественная война и заграничный поход. Годы: седло, дорожный тарантас и коляска...

В эти войны с Наполеоном, когда Платов был противопоставлен лучшей тогдашней Польской и французской коннице, Платов выработал свою сноровку бить неприятеля, свою казачью Платовскую лаву. В. А. Жуковский в стихотворении «Певец во стане Русских воинов» такими блестящими и меткими словами очерчил нам Платова, как героя победителя французских войск:

...«Хвала! Наш вихорь-атаман!
Вождь невредимых — Платов!
Твой очарованный аркан —
Гроза для супостатов
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь.
Они лишь к лесу — ожил лес: —

Деревья сыплют стрелы.

Они лишь к мосту — мост исчез.

Лишь к селам — пышут селы»...

Платов был не только конным воином-казакон — он был и более того — одним из замечательнейших людей того времени. Он вырос среди Екатерининских «орлов». Румянцев, Потемкин и Суворов были его учителями и воспитателями. От Суворова воспринял Платов живую образность суворовского языка в словесных поучениях и приказах. От больших людей, при которых он состоял смолоду, воспринял широту взгляда; он бывал у Императрицы Екатерины II; он узнал несправедливый гнев и ласку Императора Павла. Он имел время в ссылке и тюрьме многое продумать и понять; он был обласкан вдовствующей Императрицей Марией Федоровной; с нею он вел обширную и весьма любопытную переписку. Платов был лично известен Императору Александру I. Он был дружен с Кутузовым и князем Багратионом. Они были боевыми его товарищами. Платов видел Наполеона в пору его наивысшей славы, в Тильзите; и видел его в годы его падения, во время отступления из России. Платов повидал почти все столицы европейских государств и был гостем англичан в Лондоне.

На памяти, почти что на глазах Платова, отшумела кровавая французская революция, породившая Бонапарта Наполеона. Она соблазнила многих и многих — Платова она не поколебала нисколько. Он везде и всюду оставался верным сыном Тихого Дона.

Платов не кончил высших училищ и не был в университете. Жизнь и общение с лучшими и образованнейшими людьми того времени обтесали его и научили тому, чего не дает никакая школа. У него был суровый жизненный опыт и знание людей.

Платов не оставил после себя «Науки побеждать», как то сделал его учитель Суворов. Поучения Платова, большей частью, словесные, сохранились в памяти его современников. Природный ум и знания Платова блещут в его приказах и письмах. Его непрерывная творческая работа шла для воспитания и образования казака. Для сохранения казака от соблазнов и улучшения его духовной жизни.

Постоянное поучение Платова в станицах, в полках, в поле и в казачьем курене, в палатке и на походе было:

— Помните славу и добродетели и держитесь обычаев отцов своих!

Как красива и не многословна речь Платова, а сколько в ней того, что навсегда укладывалось в простых казачьих сердцах!

— Помни, что дороже всего тебе отчизна твоя. Помни и то, что отчизна эта, или отечество, не одна станица твоя, не один двор твой, да курень, а вся земля Русская, которую из конца в конец не проедешь на коне своем и самом ретивом в пять, не то шесть лет...

Он говорил о смерти:

— Смерти не бойся: ее не минуешь; а бойся постыдной да постылой жизни. Как станут говорить казаки такой то де копытом смел; а у такого то пика на перевес не ложится, а этот пару не боится, да дыму не любит — так ведь и стыд, и смех, и грех; да опять таки и на том свете душа нужна: а кто присягал на одно, а делает другое, не будет прав и перед Богом.

Платов, сам не раз глядевший смерти в глаза, знал, что такое смерть в бою, знал, что не время тут думать о мертвых и убитых; отдать им нужные воинские почести при погребении и больше о них не думать и не плакать о них. Он говорил не раз:

— А об убитых и раненых будет домашний счет. Дома в станичном курене, навеки покинутом его хозяином поплачут и помолются мать, жена и малые дети. Их это дело — казакам нечего об этом думать. Для них смерть, если она честная в бою, при совершении своего казачьего воинского долга, лишь честь и слава.

Так же, как Суворов, Платов все высшее, духовное невесомое ставил выше земных благ. Он знал, что такое для казака добыча на войне. От отца и деда он слышал, что раньше казаки и жали только от добычи в поисках-ли, на войне-ли. Но знал Платов, что круто изменились с тех пор взгляды на добычу. Было сказано и заведено Суворовым: «обывателя не

обижай — он нас поит и кормит». Он знал, что теперь казак живет не «с травы и воды», но имеет свой земельный участок, свою общинную степь, свои сады и огороды, которые его кормят и что теперь взгляд в армия на добычу иной. Он отдал приказ о том, что такое добыча у казака и что такое то, что он на своем образном чисто русском языке назвал «миродерством», что называется взятым с французского словом: «мародерство»...

«Военная добыча — позволено, а миродерство — нет», — писал он. — «Военной добычей называется все то, что отбито у вооруженного неприятеля, что взято в бою, а не воровски; миродерство называется то, коли кто обирает жителей неприятельской страны, или пленных, которых поручено доставить на место; коли казак шарит по дворам да по избам, а за это бьют и Бог велит ответ держать. Что взял с бою ты один — то твое; что взял с товарищами — дели с ними. Коли плох да труслив, — тому нет ничего; а кто едет сзади, да подбирает, тому следует дать плетей при сборе товарищей и отобрать от него все, что накрал»...

Отнятое у французов церковное серебро Платов приказал отдать церкви и пробудил этим приказом ряд высоких и светлых чувств у казаков.

В пору своих первых успехов в войне с Наполеоном, считавшимся непобедимым и перед кем благоговело Петербургское общество, в 1807 году, Платов такими, полными веры в победу, словами писал из Пруссии Императрице Марии Федоровне:

«По долгу моему, сколько сил моих и знания доставало, трудился я, всемилостивейшая Государыня, не в похвалу себе, а по истине подданнической донесу: в прошедшие месяцы до сего времени шпиговал французов по Вашему благословению изрядно. Брал много в плен их дерзких штаб и обер-офицеров, а сколько — я и счет потерял; знает про то главнокомандующий армиею, коему я их доставлял. Гордость, а более дерзость французов выбита из головы их. Доведены они до изнурения; кавалерия их дерзкая донскими казаками вся истреблена, а пехоты потеряли они много и много. Сидят они теперь, кроме Данцига, против нас, как мыши в норах...»

Овеянный славой многих побед, награжденный Государем «граф», сын простого казака, сам простой и немудреный сын Тихого Дона, в голубом парадном мундире своего Атаманского полка, увешанный множеством орденов и медалей с портретом Императрицы Екатерины II в золотом медальоне на груди, Платов после долгого отсутствия возвращается на Дон.

Со всех станиц, с окружных хуторов, потянулись на путь его проезда казаки с отцами и матерями, с женами и с детьми. Каждая станица встречает «хлебом и солью», провожает кто только может на конях, с песнями, с ружейной пальбой. И растет, растет казачья рать по мере приближения к стольному городу Новочеркасску.

Вот он — столица войска Донского. Какая она жалкая! На горе, на солнцепеке, маленькая кучка беленьких хаток; блестя над ними два, три золотых креста новых церквей, пыльная дорога круто поднимается от узкого Аксая на гору. Жалкий... но с о й! Платов увидел свой город. Он видел его не таким, каким он был, он видел, каким он будет. Он приказал остановить коляску. Вышел из нее. Казак держал поседланного его боевого коня. За ним Атаманский полк голубел стройными рядами, висело в недвижном воздухе голубое знамя и белый Георгиевский бунчук. Сопровождавшие казаки и встречавшие Платова генералы и офицеры столпились сзади Платова.

Платов стал на колени. Кое кто из сопровождавших стал тоже. Молитвенная тишина была кругом. Платов положил три земных поклона. Не без труда поднялся Платов с колен и сказал громко и проникновенно казакам:

— Слава в Вышних Богу и на земле — мир! Послужил я Царю и пострадал по чужбине довольно; теперь возвратился на Родину и молю Бога, да успокоит Он кости мои на земле моих предков.

Платов поднял горсть земли и крепко поцеловал ее.

— Здравствуй, наш атаман, на многие, многие лета! — закричали казаки. Слезы умиления блистали на их глазах. Казачки поднимали детей, чтобы те видели атамана.

Наказной атаман Иловайский, сменивший Денисова в 1813 году, подошел к Платову с рапортом. Платов сел на коня. Во главе Атаманского полка он тронулся к городу. Затрещали колокола; на горе Донская артиллерия начала пальбу из пушек. Платов поехал к Вознесенскому собору, где ожидало его духовенство. В соборе было отслужено благодарственное молебствие, во время многолетия Государю донская артиллерия произвела салют из 101 выстрела. Под грохот пальбы Платов проехал в свой скромный дом.

Огляделся Платов в Войске, объездил станицы и увидел, как много, много переменялось на родном тихом Дону. Точно, уезжая из дома, оставил маленького славного ребенка, а приехал — увидел, что ребенок обратился в большого шалуна-мальчишку, что надо учить его и воспитывать. Платов и принялся за это и понял, что нельзя дальше жить по дедовским заветам да «адамам», а нужно подумывать о создании нового положения об управлении войском Донским. А тут так некстати старость и былые походы стали давать себя чувствовать. Пока был на коне, да с войсками — и все ничего, а как засел в канцелярии, да стал мотаться в коляске по Дону, то тут, то там стало побаливать.

В жестокий мороз, 3 января 1818 года, Платова не стало.

Весь город Новочеркасск и из станиц, кто только мог приехали на похороны атамана.

В 1853 году, в Новочеркасске, против нового Атаманского дворца, на деньги собранные по добровольной подписке, донские казаки поставили памятник Платову. «Вихрь атамана» изображен на нем из бронзы пешим, в кивере, в чекмене. За плечами висит у него раздуваемая ветром бурка, в правой руке обнаженная сабля, в левой атаманский пернач. На гранитной постановке золотыми буквами изображено: «Атаману графу Платову за военные подвиги 1770—1816. Признательные Донцы.» Вокруг памятника была устроена чугунная с бронзой решетка, подле которой стояли отбитые у французов в 1812 году бронзовые пушки.

Имя Платова носили «4-й Донской казачий графа Платова полк», Донская гимназия в Новочеркасске, главная улица города — Платовский проспект, одна из станиц Сальского Округа.

Атаману Платову Дон обязан началом образования, которое помогло Донцам сохранить себя в новой сложной обстановке не самостоятельного государства и не автономной области, но лишь части Российской Империи.

XXXVI

Донские атаманы — казаки. Общественные течения на Дону: — дворянство, казаки, образованная молодежь. Кружок изучения Донской истории.

После графа Матвея Ивановича Платова атаманами на Дону были: войсковой наказный атаман Адриан Карпович Денисов 6-й, с 1818 по 1821 й годы, наказный атаман Алексей Васильевич Иловайский 3-й с 1821 по 1823 годы, он же войсковым атаманом по 1826-й год, временно исполнял должность атамана Иван Адрианович Андриянов 6-й — 1826—1827 годы, войсковой наказный атаман Дмитрий Ефимович Кутейников с 1827—1836 годы и наказный атаман Максим Григорьевич Власов — 1836—1848 годы.

Все эти атаманы были назначены Высочайшею властью Русского Императора по представлению военного министерства. Они были природными Донскими казаками. Такие из них, как Денисов, Иловайский и Власов — если бы в ту пору на Дону существовал Круг и атаманы избирались-бы всем войском — несомненно были бы избраны и волею казачьего народа. При том повышенном, воинственном настроении, которое было на Дону после победных войн и заграничного похода, Круг остановил-бы свое внимание на героях войны, известных казакам своею храбростью, доблестью и решительностью. В ту пору не было казака, не участвовавшего на войне и каждый казак, если и не знал лично, то много слышал о таких лицах, как сподвижники Суворова и Платова — Денисове и Власове и героя заграничного похода Иловайском.

Нелегким и сложным было положение атаманов донцов. Они были поставлены Государем. Они были Государевым оком на Дону и должны были блюсти Российские Государственные интересы. Ими, как и всем войском, распоряжалось военное министерство. В России за время войн с Наполеоном убедились в том, какую мощную и дешевую, почти ничего не стоящую Российской казне силу имеет Государство в казачьих войсках. Военное министерство стремилось возможно шире использовать эту силу, упорядочить «образ служения» Донского войска и улучшить его, как свое конное войско. Все это увеличивало служебную тяготу казака и вело к обеднению войска. Не могли быть к этому равнодушными атаманы казаки. Им хотелось сохранить и улучшить все то, что напоминало казакам их прежнюю вольность и богатство.

Первый после Платова атаман Адриан Карпович Денисов был человек примечательный. По тогдашнему времени образованный, помню военных наук — он знал французский и польский языки; ученик великого Суворова, — Суворов по семейному называл его запросто «Карпович», — герой польской войны и Итальянского похода, он оставил после себя

любопытные записки, рисующие нам жизнь и войны его времени. Они были напечатаны в историческом журнале «Русская Старина» за 1874 и 1875-й годы. Денисов горячо любил Тихий Дон и болел душой за казаков. Он говорил про себя, «я родился от казака, прожил многие годы в жилищах казаков» и «все донские герои именовали меня учителем военных правил». Став атаманом Денисов хотел бороться за права казачьи, за прошлую свободу.

Что же прежде всего нашел Денисов на самом Дону? На кого он мог опереться в нелегкой борьбе за самобытность казачью?

На Дону бывшем дотоле всегда «единым», думавшим «думушку единую», к тому времени наметились три «течения».

Первое и самое сильное представлялось окрепнувшим донским дворянством, «чиновниками» войска Донского. Разбогатев на крепостном труде, они хотели создать «войсковое общество», свое дворянское «сословие». Иные из них мечтали и о том, чтобы донские дела решались Донцами и на Дону, помимо Петербурга и военного министерства; без наезжих из Петербурга генералов, имеющих «нетвердые познания, как бытности (быта) казаков» в домах, так и в военных их действиях... Однако, решать эти дела они хотели своим старшинским, дворянским кругом, помимо казаков.

Другое течение было народное, казачье. Оно требовало от атамана, чтобы тот боролся за казачьи права, за возрождение старинного Круга, как полноправного хозяина войска Донского.

Наконец, третье течение едва намечалось. В ту пору в Россию из заграницы было принесено много вольных, свободных мыслей; «вольные каменщики» (масонство) крепли в России; готовилось бунтливое, республиканское движение. Оно интересовалось Доном. Начатая при атамане Платове Поповым работа по составлению истории войска Донского развивалась. Атаман Денисов привлек к этой работе одного из самых образованных донцов того времени В. Д. Сухорукова. Сухоруков пригласил участвовать в работе донских офицеров, окончивших университет — Кучерова, Кушнарева, Поснова; им помогали русские молодые ученые П. М. Строев, А. О. Малиновский и К. О. Калайдович. Донская молодежь объездила и обшарила архивы Астраханского, Парипынского, Дубовского, Ростовского на Дону, Новооперского и других городов. Их русские сотрудники присылали им свои изыскания из Московских и Петербургских архивов. Эта молодежь разгоралась по мере того, как все шире и шире развертывались перед нею картины жизни бывшего свободного Дона. Вольные набеги донских казаков на Турцию, Кавказ и Персию; пленительные образы Ермака, Азовских сидельцев и Фрола Минаева; буйный задор Степана Разина, смелость замыслов Булавина и ширь Пугачева — все это смущало молодые головы, не могущие мириться с засыпанием Дона в Петербургских канцеляриях... Мечты!... мечты!... О круге!!... О овободной от России республике; о том, чтобы стать только казаками...

Три эти течения не были связаны между собою. Каждое работало, вернее — мечтало само по себе.

Казаки — станичники и туторяне — были вне этих течений. Занятые почти непрерывной, тяжелой службой в полках, связанные суровой военной дисциплиной; в промежутке между отбываниями своих «терминов» едва успевающие привести в порядок разстроенное хозяйство, все более беднеющие, казаки уповали на Бога и на Царя и терпеливо, с казачьим упорством и выносливостью тянули тяжелую лямку пограничной боевой службы.

XXXVII

Правление атамана Денисова. — Земельный вопрос. — Отбывание военной службы. — Казна. — Посещение Дона Государем Александром I. — Чернышевский Комитет 1819-го года. — Борьба с дворянством. — Крестьянские бунты. — Винный откуп. — Увольнение Денисова с атаманства.

Еще в бытность при атамане Платове наказным атаманом на Дону Денисов после отправления осенью 1812-го года ополчения на войну, объехал станицы «дабы в оных поселить хотя некоторое утешение», — как записал он в своих записках; — «потому что оставшиеся — сущие старики, жены и дети наполняли воздух стенанием и воплем»...

Став атаманом Денисов пришел к тому заключению, что необходима существенная ломка того, что было нагромождено жизнью за неизменным твердых законов.

Войсковые земли расхищались; все, кто только мог дорваться до них брали большие угодья. Казаки были перемешаны с пришлым крепостным крестьянством. Грозно встал перед старым годами атаманом земельный вопрос. Нужно было произвести правильное размежевание юртовых наделов; ото-

брать земли у тех, кто не по праву ими владел. Все это сильно затрагивало самое сильное течение на Дону — старшинское — дворянское. Нужно было вступить в борьбу с ним.

Военное дело Денисов нашел в упадке. Наряды казаков на службу делались неправильно. Широко было развито взяточничество. Бедный казак шел без очереди, богатый откупался. Ясно увидел атаман, как и записал он в своих записках: — «что, не имея твердых и утвержденных государями и военною коллегиею правил, а, применяя оные различно, казачьи начальники действовали каждый по своему...»

Не было воинских уставов и наставлений. Полковые командиры пытались вводить армейские (Русские) построения и порядки — «вытяжку и узкие мундиры». Казаки же в откровенной беседе со стариком атаманом сожалели и смущались, что «не по древнему обычаю ими управляют...»

Войсковая казна была пуста...

В 1818-м году, первый раз после царя Петра I, Российский император посетил Дон. 23-го мая Государь Александр Павлович прибыл в Новочеркасск. Государь проехал к собору, где отстоял молебен. Вечером Государь был на балу, данном Донским дворянством в доме генерала Куриакова. Ночевал Государь в доме генерал-лейтенанта Николая Васильевича Иловайского. 24-го мая Государь посетил госпиталь, аптеку, острог и новый собор. В тот же день Государь уехал из Новочеркаска.

Как ни кратко было посещение Государем Донского войска, Денисову удалось переговорить с государем о необходимости создания особого «положения о войске Донском».

21-го сентября 1818-го года Денисов напомнил Императору о разговоре на Дону и просил об учреждении особой комиссии из четырех членов для «удобнейшего и равномерного распределения земельных угодий; устройства финансовой части в Войске с тем, чтобы расход был не на волю случая и желанья, а на непреложных правилах. Разные войсковые по внутренности распорядки (древние обычаи) размножить письменно, дополнив правилами, с настоящим временем согласными и сохранив всю древность их установления».

10 марта 1819-го года последовал ответ на просьбу Денисова. Государь полагал устроить на Дону «особливый Комитет, который рассмотрел-бы все ранее изданные для войска указы и постановления и, сообразуясь с ними, составил-бы «новое войсковое положение...» Во главе комитета ставился русский генерал-адъютант Чернышев. Чернышев был чужой войску. Он соприкасался с донцами только во время заграничного похода, когда к отрядам, ему вверяемым придавались донские казачьи полки. При Чернышеве был назначен состоять чиновник статский советник Болгарский.

Денисов откровенно отписал Государю, что «по крайней» простоте здешнего народа введение посторонних членов может повергнуть его в разсуждения, простым людям свойственные ибо сколь-бы комиссия ни тайно производила суждения и положения свои, но забираемые о делах справки и обозрения дадут случай к заключению по уму их...»

Денисов считал, что комиссия из одних «местных жителей», то есть казаков, чисто казачья, лучше исполнила-бы работу. К его слову не прислушались и 1-го мая 1819-го года, «Комитет об устройстве Войска Донского» открыл свои действия. Председателем Комитета был атаман, членами генерал-адъютант Чернышев, генерал-лейтенант Карпов, генерал-майор Черевков, полковник Андриянов, подполковник Шамшев и статский чиновник Болгарский.

Сейчас-же по Дону поползли слухи, неблагоприятные комитету. Все три донские «течения» заволновались. Зашептались о превращении войска Донского в общерусскую губернию, а казаков в крестьяне и закреплении их на земле. Шептались и об отобрании земель у дворян. Дворянство было восстановлено против комитета и против атамана.

Заседания комитета были тайные. Тем более самых разнообразных слухов ходило по Новочеркасску. Говорили, что Чернышев указывал на незаконность дворянской организации на Дону, на чрезмерное размножение донского дворянства и на отстранение дворянами казаков от участия в местном управлении. Говорили, что Чернышев доказывал, что «пространство земель и вод, владеемое Донским войском, есть древняя общественная его собственность, дарованная от Монарших щедрот за верную службу и составляющая главную Донских казаков привиллегию».

И точно — Чернышев указывал Комиссии на грамоты Петра Великого от 21-го сентября 1704-го года и Екатерины Великой от 28-го мая 1775-го года, освящавшие неприкосновенность этой привилегии. Чернышев писал в Петербург: «сие общественное достоинство никогда не принадлежало частно лицам, Донское войско составляющим, но всему обществу казаков». Чернышев не хотел мириться с тем, что до 1.000

и более десяти было у помещика, а у казака 10, 8, 7 и даже менее десяти. Чернышев писал: «донской народ угнетен незаконными всякого рода... Сей народ полагает всю свою надежду только на нас...» То есть на него и на Богарского, чужих войску лиц.

Комитет раскрыл и довел до сведения Государя много крестьянских жалоб на притеснения и угнетение от помещиков. На запрос по поводу этих жалоб атаман произвел следствие и донес, — что «крестьяне не изобилуют хлебом, но бедности нет; они впали в бедность от лени и пьянства и на господ работают только три дня в неделю...»

В ответ на эту отписку Денисова Комитет министров поручил атаману наблюдать, чтобы «помещики на Дону не налагали на крестьян работы более положенного и не дозволяли себе жестокого обращения».

Денисов по «древнему войсковому обычаю» разослал полученный им через Комитет министров рескрипт для руководства по станицам.

Он стал известен крестьянам. Те поняли его, как объявление «воли», как свободу от помещиков. Начался ряд открытых бунтов против помещиков.

Весною 1820 года поднялись крестьяне князей Орловых. Умирять их были посланы полки, собранные для отправления на смену на Кавказ. Во время их отсутствия возмутились крепостные у Мартыновых в слободе Голодаевке Миусского округа. Несколько тысяч крестьян, вооруженных чем попало ушло из слободы и стали лагерем вне селения. Туда был отправлен Атаманский полк. Генерал-адъютант Чернышев решил показать личный пример и поскакал с полками,

возвращавшимися после умирения крестьян князей Орловых, эскадрой Лейб гвардии казачьего полка и солдатским пехотным полком к Голодаевке. При приближении этого отряда крестьяне разошлись по домам и смирились.

Бунты были подавлены тем легче, что казаки не сочувствовали крестьянам. В них видели они людей, незаконно и не по праву живущих на казачьей земле. Движение крестьянское было чуждо казакам, не знавшим крепостного права.

Атаман Денисов, нуждаясь в средствах и зная, что наиболее доходным для войска была отдача на откуп курения и продажи вина, как то было в период времени 1775—1800 г. г., непродуманно сдал на откупа продажу и изготовление вина не только в станицах и хуторах, но и в крестьянских слободах, что по обычаю принадлежало помещикам. Те подали жалобу в Комитет. Напрасно Денисов указывал, что дело это никак не касается Комитета, что оно подлежит судебному разбирательству в Сенате, Чернышев донес в Петербург, что атаман защищает откупную систему на Дону, «безответственно целый народ угнетающую». Он писал опять, что «права казачьего народа, дарованные Государем разрушены; польза его предана в руки нескольких недостойных чиновников». Чернышев сообщал в Петербурге о «бездне всякого рода незаконных, похищений и низких изворотов для угнетения бедных казаков изобретенных...»

Денисов получил весьма немилостивый рескрипт от Государя и вскоре, 27-го января 1821-го года, был уволен от службы с приказом сдать атаманство наказному атаману Алексею Васильевичу Иловайскому.

П. Краснов.

(Продолжение следует).

Люблю тебя, вечный источник свободы,
В столетях сынов твоих вольный полет
И буйные песни в часы непогоды,
И тихую ловость задумчивых вод.

Бескрайные шири в объятьях туманов
И отливы золота тучных полей,
Далекую цепь молчаливых курганов,
В серебряном блеске волну ковылей.

П. Донсков

Андрей Холостов

Очерк

Солнце садилось. Бледные зимние лучи меркли в голубом небе. Бледным пятном показался месяц. Ветер стихал. Справа дымчатое облако низко опускалось к горизонту, как бы следуя за солнцем. Высоко к небу подымался дым.

С шумом и смехом проехали казаки. Сухой снег скрипел под ногами. Слегка колыхнул ветер. С крыш посыпался мелкий сухой снег. Протяжно перекликались уцелевшие собаки. Свообразно раздавался скрип полозьев: со стороны станции доносились отрывистые свистки паровозов и отдельные слова железнодорожников.

— Холостов! — кто-то позвал Андрея. — Он оглянулся, остановился.

— Сегодня снова патрулируешь? — Казак подошел к Андрею, протягивая большую сухощавую руку.

— Через час иду к немцам на станцию, а ночью по селу будем патрулировать до часу... Выпить хочется... Не дают... Разговор прервался... Андрей дружно жил с немцами. Его больше, чем других казаков, уважали они. Он вместе с ними ходил на штраф, больше жил с ними, чем с казаками в сотне.

Пожалуй, больше сорока лет будет Андрею. Он прошел суровую школу гражданской войны. Разочарованный в тот период в борьбе с большевизмом, он эмигрирует в Константинополь, потом переезжает в Софию, где живет три года. Тянуло на родину, семье. Прогрехал... Еще 3 года прошло на военно-принудительных работах.

Сотник по несколько раз заходил к казакам.

— Командир! — раздался голос. Все встали. В комнату пошел сотник, рядом с ним сутуловатый, небольшого роста, помощник командира полка подполковник М. Все замерли. Тишина... Из штаба полка за последнее время почти никто не приезжал. Появление помощника командира полка навело в некоторой степени страх на казаков.

Строгий был подполковник М., боялись его партизаны окрестностей Луненца.

На дворе темнело, когда Андрей собрался и пошел на станцию. Морозец. Под ногами хрустит снег. По дороге со смены идут казаки знакомые. Андрей вполголоса напевает: «Как только вступил на русскую землю...»

На память пришли слова старинной песенки. Язык немного заплетается от выцитого стакана водки.

Отворяя дверь в помещение, где жили немцы, Андрей все еще пел песенку:

Увлек... увлек... — ох, для забавы,
А сам другую любил...

Почти не выговаривая слова, окончил:

Кого я крепко да-й так полюбила,
Меня проведать он да не придет...

— Андре! Андре! — раздался голос немцев.

— Битте — Ше-ей, указывая на стул, пригласил его к столу австриец, унгер-офицер Палейзак. Пододвинул тарелку с котлеткой, ломтики хлеба, кофе.

— Он не будет кофе пить, — на немецком языке говорит Палейзак рослому немцу, которого называли Рудольфом.

Старый солдат Ганс подал флягу.

Н-е откажусь, — откровенно признался Андрей, принимая из рук Рудольфа стаканчик водки.

Оскаляя щербатый рот Ганс говорит Рудольфу:

— Хороший казак. Настоящий солдат. С ним нигде и никогда не страшно.

Рудольф, как и все немцы, любил Андрея, завидовал ему. Он с любовью смотрел на величественную осанку Андрея, любясь его детским громким смехом, жизнерадостной улыбкой: любил Андрея за его храбрость, ловкость, за русские песни.

Читателю предлагаю Рудольфа: До войны 1941 года он работал артистом Берлинской киностудии; рослый и стройный, не по годам растолстевший. Полнота придавала ему какой-то строгий вид. Ему скорее можно дать 50 лет, в то время как ему шел только 41 год. Он был на четыре года

моложе Андрея. Рудольф любил русские песни, часто на своем родном языке он пел песенку про казака Степана Разина. Ганс на губной гармошке исполнял ее. Но больше всего немцы любили песню про Ермака. Рудольф даже знал мелодию песенки, но слова давались с трудом. Каждый вечер он понемногу учился у Андрея.

Достал Ганс губную гармошку из шкафчика, сдул предварительно мелкую пыль, стал наигрывать. Удивительно, как искусно немцы играют на этих игрушечных инструментах.

— Андре, один момент, спой про Степана Разина, потом идем на ваху патрулировать по селу. Андрей отлично понимал о чем просит Рудольф.

Откашлялся и под гармошку стал петь:

Из-за острова на стержень,
На простор речной волны,
Выплывают расписные
Стенка Разина челны...

— Пора, — Рудольф встал, быстро стал одеваться, не тратя ни одной минуты.

Пожелав спокойной ночи, Андрей и Рудольф, вооруженные карабинами, вышли. Луна почти села. От огня было почти совсем темно, хоть глаза выкалывай. У здания остановились, закурили... разговаривают... Рудольф два месяца как был дома, тосковал все еще... Зрачки сократились, глаз приспособился различать предметы в темноте, видны выбоины по дороге, слегка занесенные снегом.

— Андре, дети есть у тебя? — спрашивает Рудольф.

— Маленьких нет. Старшему 26 лет, младшей восемнадцать.

— Хорошо...

Шумел лес...

«Погода меняться будет», — думал Холостов, «да и на самом деле. Вот в другой раз стоят эти гиганты и ни звука не слышно, не шевелятся. Иногда и ветер рвет обмерзшие ветки, а не шумит лес». Скрипят позвонки могучих дубов, пищит тоненьким голоском молодняк, все ниже клонит к земле обвисшие ветви березы.

Андре спрашивает:

— В лесу был?

— Вальд, вальд — ни добро, нис хорош, форштейн Андре?

Понимаю, партизан... Главное их бояться не надо. Не бойся смерти, от нее уйдешь, бойся постылой да постыдной жизни. Андре продолжал:

Облаву надо делать в лесу...

Немного помолчав, решительно заявил:

— Вывести бы с этой местности, из леса, все население, а села пожечь. Скажешь, не разрешат немцы так сделать, тогда бы хотя мужское население временно направить в Германию на работы. Тихо было-бы, спокойно. Бес его разберет: ночью — он бандит, а днем дома.

Хватил сильный ветер. Разговаривая, они дошли до крайних домиков. Дальше река Горынь, повернули вправо, пошли в сторону церковного плаца. В домиках горели огоньки, выбрасывая пучки золотистых лучей в щели замаскированных окон. По правую сторону залаяла собака. Несклько собачьих голосов обозвались на их лай, и вдруг все стихло. Идут вперед, прислушиваются.

— Кто-то разговаривает? — спрашивает Рудольф.

— Пока ничего не слышу. — Идут ближе к церкви, где кто-то разговаривал. Кто мог подумать, что партизаны были уже в поселке, что на церковной площади у церкви, остановились партизанские подводы. Это было не ново. На борьбу с ними и приехали в леса немцы и казаки.

Кто-то прошел впереди них, перерезал плац, остановился. Следом за ним повернул Андрей. Он все время думал, что казаки получали водку с вечера, что может случиться непри-

ятность. Он успокаивал себя словами: ну, выпили, хорошо... Вот и правда, хорошо, но зачем же тогда ходить в эту ночь по селу. Собаку жалко выгнать из дому.. — рассуждал Андрей, шагая вперед. Следом за ним шел Рудольф. Подошли к дощатым маленьким дверям, они оказались не закрытыми. Вошли в садочек, направляясь на огонек в окне.

— Подпили, знаете, что позже десяти ходить нельзя, запрещено. Не окончил Андрей..!

— Руки вверх!

Только теперь он рассмотрел, как близко они подошли почти вплотную, черный ствол из-за деревьев чуть не упирался в лицо, на шапках виднелись черные узенькие полоски.

«Партизаны», — дошло до сознания. Андрей окаменел, но не растерялся.

Андрей поднял обе руки, не выпуская из них винтовку. Следом за ним последовал и Рудольф. Смерть впервые встала во всей своей наготы. Но какая смерть? мгновенная или длинная и мучительная? Сначала пытка, издевательство, потом под сумасшедший визг врагов казнь. Андрей вспомнил все, все, что в другое время не мог вспомнить, глубоко вздохнул.. Последний раз в голове пробежали мысли, и он подумал:

— Жизнь! А какая же ты, чертовски, красивая.. Так неужели это уже тот конец, постылый и постыдный, который никогда не пугал его. Все кончено. Вот они смирились перед силой голоса ночи. До его слуха донеслись стоны могучих деревьев, скрип, треск сломившегося дерева.

— «Сдаешься?» — с обидой подумал Андрей.

В лицо, холодное и бледное, целсвал ветер, прислоняясь белой длинной бородой стужи. Стыдно стало от одной мысли.. Вдруг загорелось лицо, точно пламя обжигало его, востучало сердце. Казалось все замерло..

Быстро повернув затвор, Андрей выстрелил в упор в бандита. К ногам упал автомат. Рванул ветер и одновременно сзади раздавался топот.

Рудольф, воспользовавшись замешательством, бегом направился к станции.. На ходу Холостов соображал, что три выстрела условно — тревога.. На ходу стреляет два раза. В узеньком переулке нагоняет Рудольфа.

Рудольф не выговаривая слова бормотал:

— Шнеллер, бангоф, унтер — офицер, машинка, партизан пух-пух...

— Тише! Андрей, как мог, стал доказывать, что к станции надо добираться, как можно тише, ибо попадут на засаду. Уравновесив движение и дыхание, немного передохнув, пошли ускоренным шагом, еле прикасаясь к земле, направляясь вперед к станции. Сильней разыгрывалась низовка, с силой и злобой бросала в лицо пригоршнями снег, залепляя глаза, засыпая за воротник и в карманы.

Иногда сердце предсказывает. То, о чем предупреждал Андрей Рудольфа, то, о чем он не мог забыть.. Предчувствие не обмануло его.. На повороте, когда они хотели изменить маршрут, словно из земли вырос человек, прямо перед носом..

— Руки вверх!!

В пяти-шести метрах, по тихому разговору можно было понять, стояло человек пятнадцать..

Снова.. Кругом банда! мелькнули мысли. В таком же положении как и в первый раз, Андрей поднял руки, те-же мысли.. Рудольф точно окаменел, замер..

— А ты.. фашистская... притрагиваясь к кобуре, бандит собрался пристрелить Рудольфа.. Снова в голове бежали мысли... Андрей думал о смерти, о позоре, о пятне на всех казаков.. Воспользовавшись моментом, он выстрелил в упор в бандита. Словно столб, замертво свалился на землю бандит..

Поднялась стрельба. С силой ветер рвал с крыш снег... Замешательство.. Широко бросая ногами, Рудольф рванулся вперед, пригибаясь низко к земле...

Станция, главное станция! Андрей попятился назад. Снася положение Рудольфа, он отстреливается, привлекая внимание на себя, отступая в противоположную сторону.

Главное, чтоб услышали, тревогу подняли...

Погони не было. Вдруг заскрежетав зубами, пуля навыв-

лет раздробила ключицу правой руки. Словно плоть опустилась она. Теплая клейкая кровь текла по лохматой груди и вдоль руки, смачивая конечности. «Куда идти?» — впервые подумал Андрей. Стрельба поднялась со всех сторон. Стреляли на станции, короткие очереди доносились в стороне железнодорожного моста, одиночные выстрелы близ казармы. Придерживая руку и не бросая карабин, тихонько стал пробираться в один из дворов с целью укрыться, если не попадетс ничего подходящего — под деревья или в спегу. Буря стихала. Становилось светлей. Ярче загорелись звезды. Куда-то вдаль уходили выстрелы.

Прислонившись к изгороди, со стороны двора, стал раздумывать. По улице слышались шаги. Чтобы остаться незамеченным и не стать жертвой издевательств партизан, перемогая боль, Андрей левой рукой загнал последний патрон в патронник и стал пробираться в глубь двора.

Между деревьями, занесенные снегом, чернели домики пчел-ульи. Он разгреб снег ногами под одним ульем и повалился на левый бок, придумывая дальнейший план. Ему казалось, что он не может оказать сопротивления, если его найдут. Стрелять самого себя он не желал, надеясь на счастливый исход дела; однако заряженный карабин носил он только для того, чтобы оборвать свою жизнь. Но...? Он отчетливо понимал, бормоча слова: — Умру, если вот уже совсем будут близко.. Он снова подумал, решил, что еще будет смотреть, если погоня будет малочисленная...

Сознание не покидало его. Надо идти.. идти! Истекая кровью, он дрожал, рука мерзла. Оставаться в снегу — подобно смерти, идти вперед.. Стрельба то прекращалась, то снова слышались пулеметные очереди, ярче горели звезды высоко в эфире синего неба. Ветер то совсем притихал и становилось светло, то снова махал широкими и длинными крыльями; снова заговорили деревца, росшие во дворе, среди которых в снегу стояли маленькие домики, зашумел лес. На окровавленные пятна шинели налипал снег, намерзая шероховатой коркой. Андрей сознавал, что еще час, и он не сможет приподняться со снега; кружилась голова.

Опираясь левой рукой на ствол заряженного карабина, приподнялся... Кружилось в голове, тошнило. Первое время он решил бросить заряженный карабин. Сплеывая кровь, пошатываясь, Андрей шептал:

— Нет, нет... Пусть он один будет свидетелем ночи. Андрей подумал, что Рудольфа постигла та же участь что и его.. Он представил его мертвым, застывшим, бездыханным, а бандитов хозяевами на станции, грабящими эшелоны и склады. Андрею сжимало горло.. Закашлял, выплевывая куски запекшейся крови.

Не хотелось замерзнуть, в казарму или на станцию идти опасно. Станция была на половину ближе. «К немцам.. на станцию..» — Опираясь на карабин, он пошел напрямик к станции. В глазах потемнело.. Где хватало силы, перелезал, слишком высокую изгородь обходил. Вот уж видны вновь выстроенные постройки на станции. Андрей тяжело вздыхает: «Станция.. Станция.. Жив ли Рудольф?; Темней стало в глазах. Сознание двигало его вперед, повинуюсь долгу и чести, шаркали в темноте ноги..

Заговорил пулемет. Пули жужжали вдоль полотна железной дороги, второй пулемет застрочил немного правее Андрея. Оставляя позади себя последние постройки Горыни, пошел прямо на пулемет.. «Убьют меня свои.. Нет, нет... не-е-е-тт» — бежали в голове мысли и сколько хватало сил стал повторять:

— Казакен штрайфф село-о-о.. казаааа!!

Цалейзак поворачивал пулемет в сторону, откуда слышались шаги и показался человек.. Еще момент.. — Андре, — выкрикнул во весь голос унтер-офицер... Этот резкий выкрик долетел до сознания полуживого Андрея.. Дальше ничего не помнил, подломились ноги, тихо присел на колени, потом...

К нему подошли немцы.

— Жив! жив! — восклицали они. Слова радости его друзей последними были из всего того, что дошло до его сознания. Слова влили какую то новую силу... Медленно стучало сердце.. Из всех органов слух отмирает последним.. Он еще воспринимает разговор его близких друзей или радость врагов, вопли и стои родственников. Прекращает со-

кращаться сердце, хрустят позвонки, человек вытягивается, а мозг еще несколько минут воспринимает и реагирует на дошедшие до сознания слова...

— Андре — герой, если бы не он....

Два-три немца при разговоре, да еще в темную ночь, можно подумать что их разговоривает целый взвод. Разговоривая между собой, они перенесли Андрея в караульное помещение. Сделали перевязку. Пару глотков водки.. Ждали с минуты на минуту поезда из Луненца. В комнате тепло. Матовым светом горит карбитовая лампочка. Тихо. В комнате двое.

Андрей без сознания лежал на койке. Рядом с ним, раскуривая трубку и подбрасывая уголья в печку, сидит боевой друг Рудольф. На коленях лежал заряженный карабин. В тонкую стенку стандартного барака ударял крыльями ветер, посвистывая тоненьким голоском в щели, и заметая следы кровавых пятен. Все еще тянулась ночь... Мороз... Выстрелы стали чаще...

Всю зиму Андрей Холостов пролежал в лазарете. Казачья сотня вошла в состав 1-й казачьей дивизии. Все еще вместе живут немцы-друзья Андрея. Попрежнему Гапс играет на губной гармошке в свободное время.. Стояли теплые весенние дни, когда Андрей приехал в дивизию, а в апреле месяце вместе с Рудольфом ехал в отпуск в Германию.... Боевые награды украшали грудь казака. Он был попрежнему весел.. Было о чем вспомнить...

В. Никонов.

Джигитовка
Проскачка стоя вверх ногами

Старый вахмистр

Мы познакомились с ним в одном из прифронтовых городков. Твердая походка, седые подстриженные усы и строгие брови разом выделяли Ивана Сергеевича Терещенко как старого вояку. Он и был старым воякой. Служба Ивана Сергеевича начата еще за несколько лет до начала первой мировой войны, а к ее объявлению он был уже вахмистром на сверхсрочной. По окончании войны верный своему долгу, служил он в Донской армии, раненым попал к красным, отбыл, как полагается, ссылку и вернулся в родную станицу.

С приходом германцев Иван Сергеевич выкопал зарытый на огороде старый боевой клинок, взмахнул им и тотчас же начал организовать отряд из своих станичников. С этим отрядом он дрался с большевиками и на Дону, и на Донце, и на Днепре.

Под Мелитополем пришлось плохо. Небольшой кавалерийский казачий отряд был отрезан от главных сил боевой группы и окружен. И по странному совпадению, против казачьего отряда дрался тоже казачий красный полк.

Бой начался утром. К вечеру кончились патроны. Из 27 казаков десять было убито, а остальным пришлось сдаваться.

— Попались гады! — ликовал красный командир. — Теперь получите по заслугам.

Но старый вахмистр не пал духом.

— Не в таких переделках бывали, да и то Бог спасал. Поможет Бог и теперь, — твердо верил он.

И Бог помог старому казаку. Когда свечерело, пленных отвели и передали другому эскадрону того же красного полка. Где-то близко слышалась стрельба. В тревожной обстановке боя на пленных обращали мало внимания, тем более, что по внешнему виду они почти не отличались от красных казаков: те же бурки, папахи, башлыки. Этим и воспользовался старый вахмистр. Он подошел к командиру эскадрона, взял под козырек и спросил:

— Куда прикажете вести пленных, товарищ командир? Свечерело, не разбежались бы...

Хитрость удалась. Красный командир принял вахмистра за своего и отдал приказание:

— Вон по той дороге мимо кустов веди. Только левой держись, направо собьешься — к немцам попадешь.

Только этого и нужно было. Забрав свою команду, вахмистр повел ее по указанному направлению, но, дойдя до кустов, конечно, взял не влево, а вправо и через полчаса подошел к немецким постам!

— Хальт!

— Свои!

Как раз попалась знакомая часть. Освобожденных из плена встретили тепло и радушно, а на следующий день они снова вступили в бой.

— Повоюем еще, — говорит старый вахмистр, топорща свои седые усы, — крепка еще казацкая сила. Отряд пополняется новыми. Не сложат оружия казаки, пока не очистят свой тихий Дон от проклятых жидовских пашильников.

В издании нашего журнала, в серии «Казачья Библиотека» готовятся к печати новые книги:

«К О В Ы Л Ь»

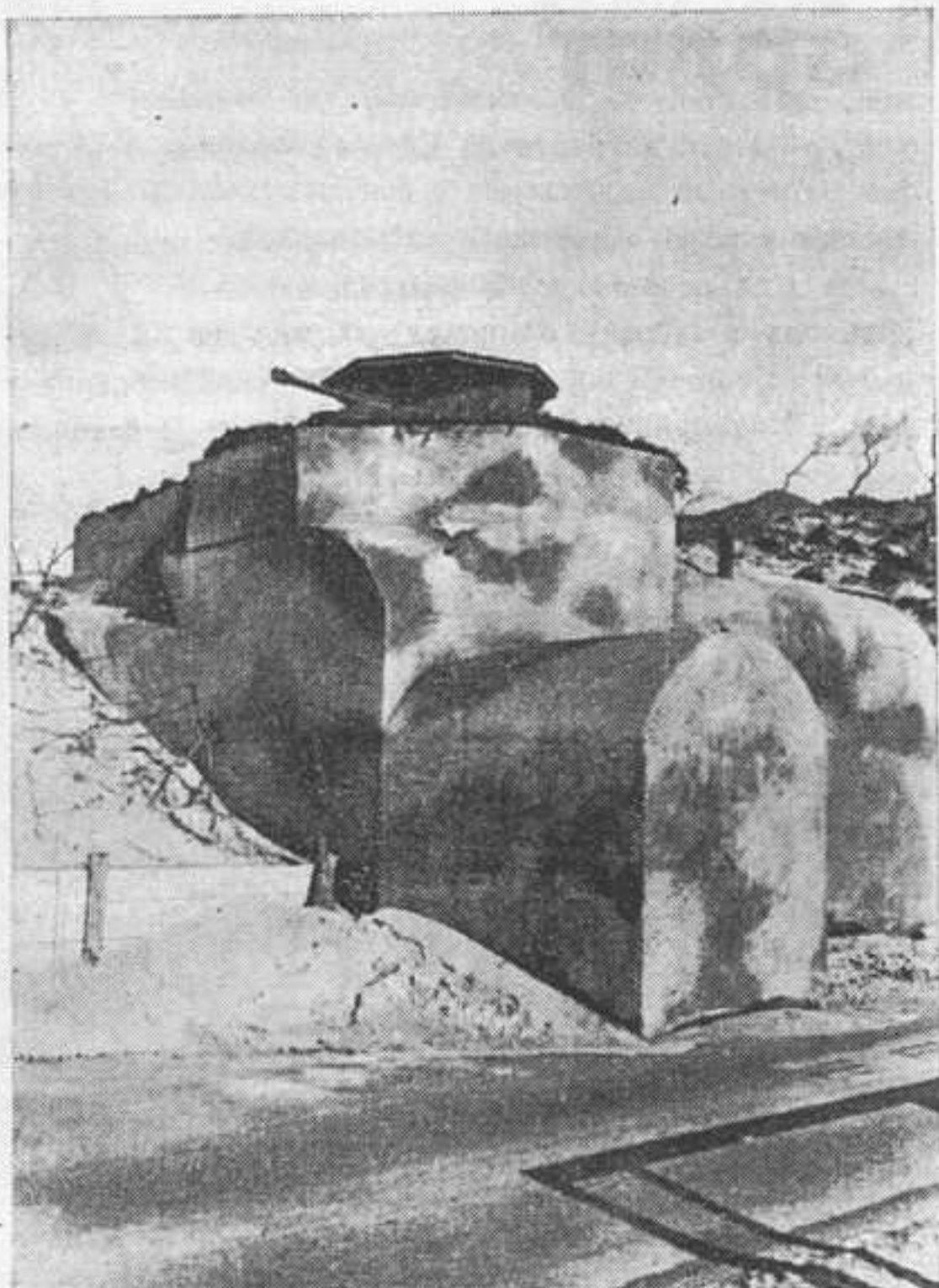
Избранные стихи современных казачьих поэтов:

Алексея АЧАИРА, Марии ВОЛКОВОЙ, Ив. ДАНИЛОВА,
П. ДОНСКОВА, Ник. ЕВСЕЕВА, Ал. ЗАДОРЖНОГО,
П. ПОЛЯКОВА и Николая ТУРОВЕРОВА

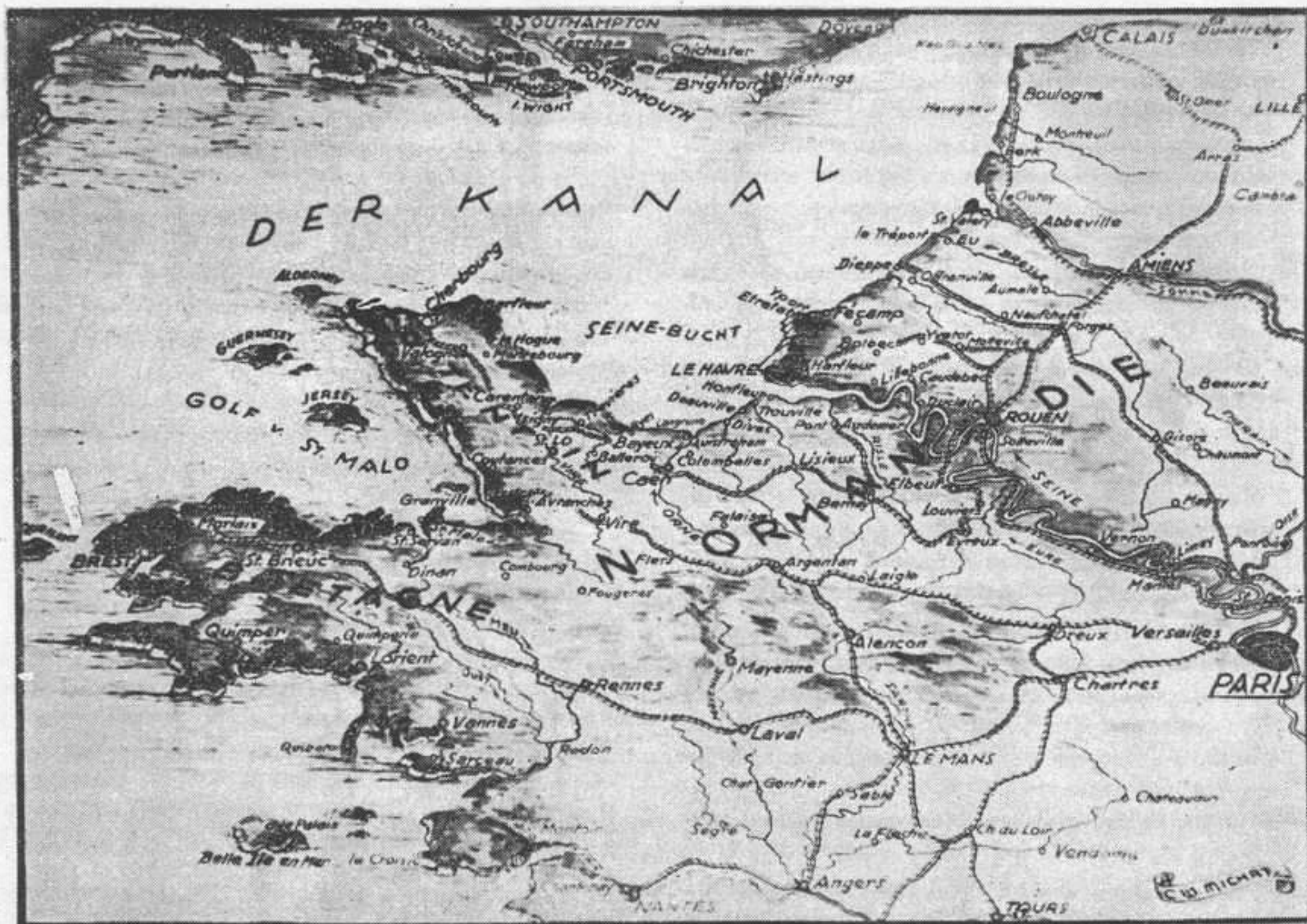
И

„БЕСЕДЫ СТАРОГО КАЗАКА
С МОЛОДЫМИ“.

Перед решительной схваткой

Районы предстоящих грандиозных сражений в Нормандии уже усеяны бункерами и мощными точками отпора врагу

В гнезде орлят

Пребывая в запасном казачьем полку, — я имел честь попасть в гнездо наших орлят — в школу юных казаков.

При первом моем знакомстве с начальником школы обер-лейтенантом Минч, он мне сообщил о школе следующие короткие данные:

Школа организована генералом фон-Панвиц, 15 июня 1943 года в г. Млаве. В первый день ее создания она насчитывала всего лишь 12 учеников, а сейчас школа в своих рядах имеет 450 человек.

Все ее воспитанники — юнцы, являются казачатами, эвакуированными из казачьих станиц. Восемьдесят пять процентов здесь представляют кубанцы, вывезенные весной и летом 1943 г. с Таманского полуострова, а остальные — представители разных войск.

Казачата изучают в школе русский и немецкий языки, математику, казачью историю, географию и овладевают военными знаниями. Военная учеба для них является основным делом, так как она готовит их пока стать урядниками, а в будущем сделать из них лучших офицеров возрожденных Германней казачьих войск.

У кого имелась еще дома склонность к ремеслам — учатся в ремесленных мастерских, токарному, слесарному, столярному, шорно-седельному и др. делу. Здесь я увидел одного казаченка, старательно вырезающего из дерева фигуру кубанского казака в полной своей традиционной форме с башлыком за плечами.

Представил мне начальник школы и своего юного поэта Задорожного, написавшего много интересных стихов, учителей школы и несколько рот, проводивших свои строевые занятия.

— Науками овладевают успешно мои воспитанники — с гордостью говорит начальник.

Но мы видим это сами и тоже гордимся тем, что казачество имеет свое «юнкерское училище».

На уроке немецкого языка я слышал, как, почти свободно, отвечали молодые казачата-ученики своему учителю на немецком языке — уроки и ответы на его вопросы.

На строевых занятиях я видел, как под руководством немецких инструкторов с достойной вниманием выправкой и дисциплиной сотня юных казаков проводила свои учения.

Когда мы приблизились вплотную к этой сотне, ее инструктор дал команду и она прошла перед нами торжественно и картинно своим парадным маршем.

Любо было смотреть на такую выучку, на своих орлят. Сотня остановилась. По команде повернулась к нам. И я, перед ее строем произнес краткую речь. Я прежде всего высказал свое восхищение питомцам школы по случаю их хороших успехов, затем сказал о прекрасном их будущем, о их исторической и почетной роли в возрождающихся казачьих войсках. По окончании моей речи сотня ответила мне троекратным дружным «ура».

Затем мы побывали и в других сотнях, на их занятиях по изучению ружейных приемов, на стрельбище. Занятия

здесь проводили по немецкой команде командиры из казачат — первые урядники. Они проходили в здании большого манежа и так же с большим успехом и бросающейся в глаза образцовой дисциплиной.

Мне, как казачьему офицеру пришлось вновь выступить перед этими сотнями юных казаков с краткой речью. Мне приятно было говорить будущим славным

На уроке

казачьим офицерам, будущему здоровому и основному костяку возрождающихся казачьих войск — близкие и понятные казачьему сердцу слова.

Начальник школы ведет нас дальше, по подразделениям юных казаков. Вот мы в новой сотне, на выводке лошадей. Я прохожу вдоль строя, знакоюсь с казачатами.

Что за диво? Передо мной словно маленький грибок, выпрямившись по боевому, предстал «мужичек с ноготок», держа под уздцы двух лошадей. Я было подумал поздороваться так: здравствуй Куздюк! но удержался, сделал маленькую паузу, посмотрел лучше на крошечного вояку и произнес: — здравствуй господин терский казак!

— Здравия желаем господин есаул! моментально последовал ответ терского казака, узнанного мною по рукавному знаку.

— Какой станицы?

— Наурской.

— Как попал сюда?

— С отцом.

— Где сейчас отец?

— На Балканах, бьет бандитов, — браво и смело отвечал мне маленький одиннадцатилетний терский казаченок, воспитанник школы юных казаков, держа грудь свою по богатырски.

Я был буквально поражен мужеством такого крошечного казаченка. Вот что делает школа! Она не только учит военным наукам, но создает здесь казака с настоящей, храброй, подлинно казачьей душой!

М. З.

У казаков

ВОЛЧЬЯ СОТНЯ

Мы едем с донцом хорунжим А. по улицам одного из старых западных городов. Судьба А. весьма красочна и романтична, как и судьба многих наших казаков.

Был до 1933 года в Москве в Институте Коневодства. Жил по «липовым» документам. Началась паспортизация. Паспорт выдавали по месту приписки. Со стороны некоторых партийцев факультета стал замечать весьма внимательные взгляды. Однажды, едучи в Институт, на трамвайной остановке столкнулся с товарищем, тоже казаком.

«Куда?» — «В Институт.» — Поворачивай назад, там тебя давно ждут...»

Дома сложил свои немудрые пожитки и двинулся в Минск. С Минска — в Донбасс. С этого дня и начинается путешествие «по Европам». В Донбассе на одном из рудников товарищ-донец, секретарь шахткома дал ему другие «липовые» документы. Дальше следуют: юг России, Донщина, Кавказ, Закавказье...

Добрался до турецкой границы. Подобрал еще двух товарищей. Втроем решили переходить границу. Дело шло к вечеру. Советский патруль заметил, стал преследовать беглецов. По пятам гнались немецкие овчарки. Слышно было их прерывистое дыхание.

Окрик: «Стой! Стреляем!..» Решили итти вабанк... Выстрел... А. ранен в мякоть левой руки. У одного из них — маузер. «Вы отходите, а я их встречу»... А прижал, вену, чтобы остановить кровь. В это время товарищ с маузером подпустил советских пограничников на 50 шагов и ударил в упор. Послышались стоны, крики. Стали отходить, отстреливаясь. Другой товарищ порвал на А. нижнюю рубашку и перевязал руку.

Мелкая, быстрая горная речушка отделяла СССР от Турции. В темноте пошли вброд. Турецкие патрули, услышав выстрелы с той стороны, тоже подняли стрельбу. Беглецы очутились между двух огней, но все же успели перейти границу. Турки их арестовали, отобрали маузер и препроводили в Карс в тюрьму. В тюрьме просидели 6 месяцев. Питались там тем, что давали жители во время прогулки по базару. Сколько раз приходилось пробовать плетей турецких жандармов. Но самое ужасное было то, что турки пообещали отправить беглецов на советскую сторону. Все же удалось уговорить турок не делать этого.

Отправили всех в Персию, чтобы как нибудь отделаться от сомнительных советских гостей.

С Персии начинаются скитания по белу свету. Десятки профессий: чернорабочий на каменном карьере в Клесове (Польша), стекольщик, кочегар на пароходах, тренер скаковых лошадей во Франции... Бухарест, Будапешт, Вена, Франция, Испания, Англия, два года жизни в Мюнхене...

«Из всех городов мира Мюнхен мне понравился больше всего» — говорит А.

Много работы, много тоски по родине и мало радостей. Горек хлеб на чужбине.

С начала этой войны — доброволец немецкой армии. Побывал на всех фронтах: Ленинград, Ильмень озеро, Средний участок, Украина... Везде, всюду... Под Псковом снарядом тяжело контужен в голову. Снаряд разорвался рядом, спасся тем, что упал ничком на землю, взрывная волна и осколки ударили выше. Двое суток лежал без сознания, затем отошел. Имеет восточную немецкую медаль. Из 60-ти русских добровольцев осталось с начала

войны четверо. Под Ленинградом, из одного немецкого полка остались он и денщик к-ра полка. Тридцать месяцев фронта... Сейчас поправляет свое здоровье и занимается отправкой казаков во Францию.

Мы выходим из трамвая. Сыплет дождик. Мокрое шоссе уходит вдаль. Поднимаем руку. Машина останавливается. Едем до расположения «Волчьей сотни». «Волчья сотня» помещается в старой крепости. Но самой крепости не видно. Она спрятана на возвышенности в роще, господствующей над местностью. Лет девяносто тому назад это была довольно таки серьезная крепость. Сейчас же стая самолетов из этой крепости в течение часа делает окрошку.

День пасмурный. Сквозь сетку дождя видны трубы фабрик и заводов предместья. По мокрому, скользкому шоссе движутся подводы крестьян, проносятся мотоциклы, машины.

Идем через рощу. Среди деревьев вдаль уже мелькают алые верха кубанок. Группа казаков с лошадьми. Урядник кубанец М. проверяет лошадей. Завтра две группы едут на формирование во Францию.

Нас увидели. Здравуемся со станичниками. Сейчас же обычные вопросы: «Какой станицы? Откуда? Донец, Кубанец? Уралец?» Но уральцев, кровных уральцев мало. Они рассеяны, как драгоценные камни. Тяжелый поход — отступление с атаманом Толстовым через Кара-Кумы многих погубили, а Чека, НКВД закончили с оставшимися «упрямыми горынычами».

Проходим к крепости.

Крепость расположена между двух возвышенностей. Задние стены кирпичной казармы сливаются с холмом. Окна выходят на низкий двор. Крыша прекрасно замаскирована дерном. На крыше по зеленой траве мирно пасутся три казачьих лошади.

В маленькой тесной канцелярии, представляющей собой кирпичный домик, — суета и оживление.

Молодой, сухощавый высокий есаул Б. заранее извиняется, что не может быть особенно к нам внимательным. Серая смушковая кубанка чуть заломлена на затылок. Красивые черты кубанца, он мог бы играть «Грыця» без грима. Завтра отправка казаков во Францию, сегодня надо составить списки, проверить личный состав, да мало-ли какой работы найдется.

Мы и не претендуем на особое внимание. Даже лучше наблюдать, когда тебя не замечают. Но все же он урывает время пройти с нами по казарме.

Мрачные, узкие сводчатые коридоры. Полутемнота. Крепость — остаток былой мощи Габсбургов. Типичная казарма. Казенным, военным духом веет от всех углов. Так и чудится: раздастся дробь барабанов и гремя оружием выйдут австрийские солдаты. Сейчас здесь слышна русская речь, иногда приправленная «казачьим перцем».

Во дворе построили человек 10 казачат. Их тоже отправляют в Лонарес во Францию, в школу юных казаков. Смотрю на ребятшек... Старательно делают равнение... Ну, конечно наши... Казачата... И взгляд, и уверенная, бойкая манера держать себя, — все наше... Во Франции из них воспитают будущих командиров. Это все дети эвакуированных казаков Дона, Кубани, Терека...

На многих кубанки и какой-то неуловимый особый тон во всем, по которому узнается казак.

Казачата — питомцы вольных, русских степей. В них

— наше будущее. Подрастут, окрепнут и полетят завоевывать, отстраивать казачью долю, как их деды и отцы.

Жив еще дух казачий. Он в наших казаках и нашей молодежи. По старинному — бодрый, неунывающий...

На дворе — группа казаков. Здесь представители разных войск, но преобладают кубанцы. Хорунжий А. в центре. Говорят о фронтовых приключениях. У каждого казака — богатая жизнь, есть что рассказать.

Урядник кубанец М. несколько раз с «Волчьей сотней» попал на Украину в окружение к красным. Под Гайсиным пришлось с казаками отстаивать мост, пока не прошли немецкие части. Задачу выполнили, но от «Волчьей сотни» отбилась и теперь его там считают погибшим. Сотня где-то находится в Карпатах. Со своими боевыми друзьями возбужденно обсуждают статью «Герои «Волчьей сотни», в газете «Казачья лава».

— Надо написать ребятам, пусть не думают, что мы зрители... — приходят они к единогласному решению.

Один из казаков замечает:

— Хорошая примета — когда человека хоронят, а он жив... Значит долго жить будете...

— Ну, что-ж... дай Бог... Хай живут и пасутся...

Казаки нас кормят хорошим мясным борщом с собственной кухни. После доброй поездки мы не можем пожало-

ваться на отсутствие аппетита и отдаем должное внимание их борщу, зеленому луку, маслу, сыру, хлебу.

На дворе сыплет надоедливый дождик. Я, как «ловец челсековок» нацеливаюсь на молодого терца Цеброва и мы с ним удаляемся в отдельную казарму.

После обеда подаются четыре заседанных лошади. Едем до трамвайной остановки. Серый хорунжего А. боится шпор. Закусывает удила и несет его по шоссе. Есаул Б. на вороном вырывается вперед, его конь идет хорошей крупной рысью.

Я думал, что за 22 года советской жизни научился ездить в седле; оказывается — нет, старая казачья заковка еще осталась. С недельку и все было бы в порядке. Но все же казачье седло я не променяю ни на одно из европейских седел. В нем сидишь крепко, уверенно, в нем я провел гражданскую войну и привык к нему больше всех остальных седел.

У трамвайной остановки передаем лошадей вестовому казаку и едем трамваем в старинный город, выдавший некогда славу польских королей.

Попрежнему окрестности задернуты тонкой сеткой дождя.

Уралец

Ставропольцы

Для тех, кто жил на Севере и северо-востоке от Маныча к Астрахани, — Маныч для них всегда является линией, а Ставрополье — Кавказской линией. До самой революции можно было услышать от едущих с рыбой мужиков из Астрахани в Арзгир: — «Мы едем на линию...»

Город Ставрополь, при продвижении русских войск на Кавказ, со своими казачьими станицами: Татаркой, Михайловкой, Пелягиной, Надеждой, Старо-Марьевской, Бенпагирской, Московской, Донской, Сергиевской, Северной, Ладовской, Рождественской и многими другими, представлял именно ту кавказскую линию, о которой сохранилась память в народе до наших дней.

В свое время, город Ставрополь, являлся столицей Кавказской области. В нем находились резиденции крупных царских чиновников, в том числе и штаб Главнокомандующего Кавказскими войсками. Ставрополь являлся самым первым и самым крупным городом России на Кавказе. Через него лежал путь из Петербурга и Москвы не только на Северный Кавказ, но и в Закавказье.

Кончилась кавказская война и кавказская линия утратила свое значение. Военные гарнизоны были частично распущены, а частично переведены в Закавказье на новые границы и рубежи. Кавказские казачьи станицы, о которых я упомянул выше, из бывшего своего рода крепостных фортов, превратились в поселения с мирным населением и потеряли свое бывшее военное значение. И больше того. В второй половине прошлого столетия, царское правительство преобразовало их в села. И славные кавказские казаки-ставропольцы перестали быть казаками. С них были сняты все служебные казачьи обязанности, и вместо них даны солдатские, более легкие. Тогда же ими были потеряны вольность и облик казачий. Вместо черкесок и бешметов, молодежь при зачислении в армию стала одевать солдатские мундиры и она шла на службу уже в русские, а не казачьи полки. И только старики, да церкви хранили память о славном былом прошлом кавказских казаков: старики до 1918 года носили на своих плечах казачьи костюмы — черкески и бешметы, а на голове шапки; а в церквях находились про-

стреленные и закопченные в пороховом дыму знамена их родных казачьих полков, в которых служили они, их отцы и деды.

Царское правительство кавказских казаков-ставропольцев превратило в мужиков. Но эти мужики, лишенные прав, привилегий и служебных обязанностей, какие имели казаки, до дней революции жили казачьей самобытной жизнью, а экономически они ничем не отличались от своих соседей: кубанских, донских и терских казаков, а пожалуй, жили еще более зажиточнее. Степные ставропольские просторы давали им богатство и изобилие во всем.

В первую мировую войну вся молодая сила, весь цвет Ставрополья находился не в казачьих войсках, а в русских полках и батальонах, где не было в это время железной дисциплины, как у казаков. И здесь, в этих-то полках и батальонах, когда рухнул царский трон и разразились революционные события, большевизм загнил, тизировал своей агитацией снов степного Ставрополья. Разыгралась гражданская война. И большая часть ставропольцев оказалась на стороне красных. Угар большевистской агитации на них подействовал весьма сильно.

Советские правители, учитывая то обстоятельство, что рано или поздно ставропольцы поймут, что им воевать на стороне совдепии не за что и нечего добиваться в гражданской войне, вели по отношению к ним (к ставропольцам) особую политику. Эту политику Кремля высказал посланец партии и правительства Сергей Орджоникидзе (бывший в то время членом реввоенсовета) на собрании советского и партийного актива г. Ставрополя, состоявшегося в мае месяце 1920 года, в докладе «О роли Ставрополья в гражданской войне и политика советской власти по отношению к ставропольцам».

Подлинную стенограмму этого доклада мы не имеем. Но по свидетельству присутствующего на этом собрании человека мы знаем, что большевистским заправилкой было сказано в своем докладе следующее:

«Ставрополье экономически, по сравнению с Рязанской, Калужской и др. губерниями центральной Рос-

сия, является кулацкой губернией. Но ставропольский мужик сам сел на лошадь, посадил пять сыновей на собственных лошадей; жены и племянники из собственных же лошадей составили обоз; таким образом этот полупомещик стал на сторону красных и пошел воевать против белых казаков. Это объясняется вековой рознью между мужиком и казаком. И если казак стал белым, то ставрополец по этой причине стал красным. А отсюда базой советской власти на Северном Кавказе являются ставропольский мужик, ростовские и грозненские рабочие. А поэтому к ставропольскому мужику не подходит со словом «коммуна». Экономически каждый из них силен и ставропольскому мужику нужны: хорошая школа, хороший медицинский пункт, хорошая дорога»...

Итак, Ставрополье являлось базой советской власти на Северном Кавказе, а ставрополец был красным и у него была «вековая рознь» с белым казаком. К ставропольцу кремлевский вун не рекомендовал подходить с коммуной.

Мы не будем оспаривать утверждение кремлевского грузина в том, что обманутые жидовскими комиссарами ставропольцы, еще на фронтах первой мировой войны, стали действительно «красными», а Ставрополье сделалось базой советской власти в годы гражданской войны. Спор будет излишним. Ибо это было тогда фактом. Но что касается «вековой розни» ставропольцев с казаками, то тут Серго негло заврался, и потому что не было никаких причин у бывших казаков-ставропольцев создавать и поддерживать да еще «вековую рознь» между собою и своими братьями-соседями — казаками Кубани, Терека и Дона. Им хватало земли и вольных степных просторов. Им хватало хлеба, скота и другого богатства. И с казаками соседями они жили всегда дружно. И потому, что память о своем казачьем прошлом у ставропольцев не угасала.

Кончилась гражданская война. Ставрополье много пролило своей крови за советскую власть. Началось «мирное строительство социализма». Появился НЭП. Ставропольцам он понравился. Многие, крупные партизаны уже готовились стать помещиками. Рядовые мужики богатели. Сельское хозяйство быстро восстанавливалось. Каждый хлебороб из кожи лез вон — ставил свое личное хозяйство на ноги. О коммуне никто и не думал.

Но вот пришли 1930-ые года. К ставропольцам, вместо коммуны, подошли со сплошной коллективизацией, с колхозами. Орджоникидзе закрылся кремлевской стеной и забыл ставропольцев, а присланные на Северный Кавказ двадцатинищтысячники стали накидывать одну колхозную петлю, что на казака-«белогвардейца», то и на «мужика»-ставропольца. Ахнул ставропольский «мужик», но было поздно. Из красного героя-партизана советская власть в короткий срок превратила его в колхозного раба. Много тысяч ставропольцев наравне с кубанскими, донскими и терскими казаками были расстреляны в подвалах ГПУ, как непокорные и бунтовщики. Много десятков тысяч ставропольцев отправили в концлагеря и на «вольное» вечное поселение на Север. А сотни тысяч были умерщвлены в 1933 году искусственным голодом. В эти жуткие годы массового уничтожения трудового народа на Ставрополье можно было тихонько услышать всенародную поговорку:

«За что мы, братцы, боролись! За что кровь проливали?»

Но на этом и кончалось все возмущение и негодование подневольных рабов-ставропольцев.

В Татарке, вместо 13.000, осталось 2.800 человек жителей, в Марьевке вместо 18.000 — 3.500 человек; село Птичье вымерло целиком. И такая участь постигла все

поголовно села Ставрополья. Вот как отблагодарила советская власть ставропольцев за их участие в гражданской войне на ее стороне. Но это еще не все. Партизанские вожди ставропольцев также были ликвидированы. Они оказались «врагами народа».

С огнем и мечем прошла советская власть по «советскому красному» Ставрополью.

Разбитое, расстреленное и безжизненное Ставрополье томилось под игом совдепии. Экономически и политически бесправные ставропольцы задыхались от каторжного труда в колхозном ярме; они ходили в лохмотьях и донашивали свои последние, дореволюционные овчинные зипунишки. Они совсем не были похожи на тех мужиков, которых рисовал в своем докладе в 1920 году Серго Орджоникидзе.

И наконец, наступило трагическое время, когда бывшие герои гражданской войны, «красные» ставропольцы, превращенные советской властью в жалких страдальцев, начали думать о новой свободе и ждать своего освобождения из-под рабства кремлевских диктаторов.

Пришел 1942 год. Советский союз трещал по швам. Немецкие войска победоносно наступали на важных направлениях. Молниеносным порывом они освободили Северный Кавказ и в том числе Ставрополье. Ставропольцы вздохнули, они были беспредельно рады тому, что избавились от проклятой тирании сталинских опричников и могли теперь жить и работать по-человечески. Но недолго продолжалась действительно свободная жизнь ставропольцев. По плану Германского Верховного Командования, земли Северного Кавказа были оставлены зимой 1943 года. На них снова вступила нога большевизма. И тут в стенах Ставрополья советская власть уже не нашла себе союзников, как в годы гражданской братоубийственной войны. Ставропольцы почти целиком, вместе с терскими, кубанскими и донскими казаками ушли на Запад за немецкими войсками. Они теперь, как и все казаки, оказались на стороне Германии и свою судьбу связали с судьбой народов Европы. Мы, казаки, зная и уважая историческое прошлое ставропольцев, считаем их за своих братьев, за казаков.

Только активной борьбой с врагом ставропольцы возвратят себе гордое имя казака и войдут навеки, всем своим составом, с землей и станицами в нашу общую казачью семью. И придет время, когда мы освободим Ставрополье и села переименуем в станицы.

На этот раз советская власть потеряла навсегда для себя ставропольцев и ее трюк с переименованием Орджоникидзевского края в Ставропольский и города Ворошиловска в Ставрополь является плохим и безвкусным пряником для хлеборобов Ставрополья. Не обмануть теперь советской власти наших ставропольцев никакой приманкой.

Ставропольцы были в прошлом и будут в будущем казаками!

«Нашего полку прибыло!» — как говорит старая поговорка. И мы казаки гордимся тем, что ставропольцы теперь с нами, а не с большевиками.

Мы рады их видеть активными борцами, идущими вместе с нами на разгром большевизма в «последний и решительный бой». Стремление ставропольцев итти за свою свободу, за свою зажиточную и вольную жизнь, за право быть казаками, как были их деды и предки, — привело их в наши ряды.

Вперед ставропольцы!

До победы за свое правое дело!

Мы, донцы, кубанцы и терцы с вами!

Есаул Мих. Земцов.

Р о з ы с к и

Тупицын Владимир Трофимович, Фельдпост № 56188 — брата Ткаченко Николая Васильевича, рожд. 1926 года, эвакуированного из села Доманка (Кубань).

Пожидаев Владимир Сидорович, Фельдпост № 56188 — отца Пожидаева Исидора, эвакуированного из села Ягодное Курской области.

Солопин Александр Кириллович, Фельдпост № 56188 — брата Солопина Григория Яковлевича, рожд. 1924 года, и дядю Трущенко Прокофия Матвеевича, эвакуированных из ст. Гастагаевской (Кубань) в 1943 году.

Ткаченко Василий Васильевич, Фельдпост № 56188 — братьев Мирошник Федора и Ивана Ивановичей, уроженцев села Федоровской (Кубань), среди военнопленных.

Кошель Константин Алексеевич, Фельдпост № 56188 — брата Владимира Алексеевича, рожд. 1927 года, эвакуированного из станции Славянской (Кубань) в 1943 году.

Данильченко Николай Константинович, Фельдпост № 56188 — брата Ильченко Григория Кирилловича, рожд. 1924 года, эвакуированного из ст. Славянской (Кубань) в 1943 году.

Залесский Петр Павлович, Фельдпост № 56188 — отца Залесского Павла Федоровича, рожд. 1900 года, эвакуированного из гор. Анапы (Кубань) в 1943 году.

Тупицын Владимир Трофимович, Фельдпост № 56188 — отца Тупицына Трофима, рождения 1901 года, уроженца села Даманка (Кубань), среди военнопленных.

Лось Дмитрий Романович, Фельдпост № 56188 — отца Лось Романа Дмитриевича, рождения 1891 года, и брата Лось Михаила Романовича, рождения 1913 года, эвакуированных из ст. Новомышастовской (Кубань).

Кузьменко Михаил Ильич, Фельдпост № 56188 — брата Кузьменко Григория Петровича, рождения 1926 г., и дядю Кузьменко Петра Владимировича, рожд. 1900 г., эвакуированных из гор. Анапы (Кубань) в 1943 г.

Трущенко Николай Федорович, Фельдпост № 56188 — отца Трущенко Федора Матвеевича, рожд. 1888 года, из ст. Анапской (Кубань), эвакуированного в 1943 году.

Величко Александр Иванович, Фельдпост № 56188 — дядю Величко Степана Поликарповича, рожд. 1912 года, эвакуированного из ст. Марьянской (Кубань) в 1943 году, и отца Величко Ивана Поликарповича, рожд. 1904 года, из ст. Марьянской среди военнопленных или казачьих частей.

Федоров Алексей Ксенофонтович, Фельдпост № 04508 — брата Федорова Михаила Ксенофонтовича, уроженца ст. Ключевской (Кубань), эмигрировавшего за границу в 1920 г.

Анисимов Павел Георгиевич, Фельдпост № 13252 — Вихлянцева Петра, уроженца станции Арчадинской Сталинградской обл., эмигрировавшего за границу в 1920 году. Последние сведения о нем имел из Франции в окрестностях города Парижа.

Сысоев Михаил Васильевич, Фельдпост № 04508 — брата Ерошова Леонида Семеновича, эмигрировавшего за границу в 1920 году в Германию.

Артемьев Валентин Иванович, Фельдпост № 04508 — дядю Маргаритова Вячеслава Гавриловича, уроженца ст. Клетской Устьмедведицкого округа (Дон), эмигрировавшего за границу в 1920 году. Последнее местожительство город Лион (Франция).

Ткачев Илья Михайлович, Фельдпост № 04508 — брата Ткачева Григория Михайловича, уроженца хутора Предмостного гор. Моздок, эвакуированного в январе 1943 года.

Мужчинин Тимофей Михайлович, Фельдпост № 04508 — сына Мужчинина Леонида Тимофеевича среди военнопленных.

Ряшник Аким Иванович, Фельдпост № 04508 — отца Ряшник Ивана Козьмича, рожд. 1896 года, эвакуированного из ст. Пластуновской (Кубань), в одной из казачьих частей.

Подтихов Никифор Петрович, Фельдпост № 04508 — дядю Калмыкова Егора Филипповича, 63 лет, уроженца ст. Пятиизбянской (Дон), эмигрировавшего за границу в 1920 году, и Михаила Ивана Киреевича с сыновьями Никифором и Ивановом, уроженцев хут. Липчиво ст. Пятиизбянской 2-го Донского округа (Дон).

Михин Федор Архипович, Фельдпост № 04508 — брата Курини Прокофия Семеновича, уроженца ст. Кепенской Сталинградской обл., и Каменева Кирилла Даниловича, рожд. 1895 года, эмигрировавших за границу в 1920 году.

Иванов Василий Иванович, Фельдпост № 04508 — брата Трошина Александра Андреевича и сестру Алимову Пелагею Федоровну, уроженцев ст. Верхне-Курман Сталинградской обл., эмигрировавших за границу в 1920 году.

Анфимов Ефим Маркович, Фельдпост № 04508 — брата Малахова Александра Павловича и Тихонова Захария Давидовича, уроженцев ст. Бурацкой, хут. Нехаева Сталинградской области.

Михайлик Семен Федорович, Фельдпост № 04508 — сына Михайлик Василия Семеновича, рожд. 1924 года, из ст. Ивановской (Кубань), среди военнопленных и воинских частей.

Москаленко Федор Степанович, Фельдпост № 04508 — брата Москаленко Акима Степановича с семьей: жена Мария и дочь Лида, уроженцев ст. Павловской (Кубань), эвакуированных в 1943 г.

Полеев Василий Андреевич, Фельдпост № 04508 — брата Полеева Фюна Андреевича, Полеева Андрея Семеновича, Князева Алим Дмитриевича и Тугалукова Гавриила Акимовича, уроженцев Донской области, станиц Романовской, Каргальской и Куншатской, хут. Паршиков, эмигрировавших за границу в 1920 году.

Болотов Семен Иванович, Фельдпост № 59509 — разыскивает племянниц Шаповаловых Надежду и Лиду, а также Мальцева Ивана и Гаврилова Михаила Парамоновича; все из г. Шахты, Донская обл.

Шевелев Георгий Николаевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает отца Шевелева Николая Ивановича, 1888 г. и дядю Шевелева Семена Ивановича, ст. Наурской, Терек; эмигранты 1920 года.

Рыбалка Сергей Максимович, Фельдпост № 59509 — разыскивает родных и знакомых ст. Бурукшин, Ставропольская область.

Тычина Василий Петрович, Фельдпост № 59509 — разыскивает отца Тычина Петра Парфентьевича, 1884 г., и брата Полтарак Владимира Тимофеевича, 1924 г., хутор Садова, Кубань.

Сомов Дмитрий Иванович, Фельдпост № 59509 — разыскивает Сомова Алексея Ивановича, 1905 г., и Самоилова Ивана, а также станичников ст. Ярославской, Кубань.

Зеленкин Алексей Андреевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает Иванечкина Степана, 1898 г., ст. Гостоговская, Кубань.

Машногорский Афанасий Васильевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает Борича Юмена Савовича и Шевченко Кирилла Семеновича, ст. Роговской, Кубань.

Хмельницкий Иван Павлович, Фельдпост № 59509 — разыскивает Хмельницкого Михаила Павловича, 1903 г., и Животовского Ивана Федоровича, 1910 г., ст. Пластуновская, Кубань.

Щербаненко Иван Васильевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает брата Лаврик Тимофея Дорофеевича, 1925 г., ст. Старокоровской, Кубань.

Цимбал Пантелей Борисович, Фельдпост № 59509 — разыскивает сына Цимбал Ивана, 1926 г., брата Шарко Василия Ивановича, а также станичников ст. Саратовской, Кубань.

Цацкин Илья Терептьевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает братьев Цацкиных Ивана, 1912 г., и Василия, 1917 г., а также станичников ст. Спокойной, Кубань.

Белявский Иван Андреевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает дядей Белявских Филиппа Андреевича и Харитона Панкратьевича, ст. Челбаской, Кубань. Эмигранты 1920 г.

Ярцев Александр Иванович, Фельдпост № 59509 — разыскивает брата Ярцева Алексея Ивановича, 1905 г., ст. Каменской, Донская обл.

Волуцкий Карп Ильич, Фельдпост № 59509 — разыскивает сыновей Волуцкого Ивана, 1926 г., и Миргородского Григория 1924 г., ст. Крымской, Кубань.

Устинов Алексей Тимофеевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает брата Устинова Якова Васильевича, зятя Варальничева Василия Николаевича и шуриня Фокина Абрама Федоровича, хутор Красно-Короцкий, Донская обл.

Коломейцев Иван Апаньевич, Фельдпост № 59509 — разыскивает Кормоза Виктора Васильевича, 1926 г., а также просит отозваться станичников ст. Пискуновской, Кубань.

Пилипенко Тимофей, Фельдпост № 59509 — разыскивает брата Мельниченко Ивана, хутор Жигинка, Кубань.

Вафанов Яков Устинович, Фельдпост № 59509 разыскивает брата Кафонова Ивана Устиновича, 48 лет и племянника Кафанова Петра Ивановича, 19 лет, г. Сальск Дон. обл.

Трущенко Константин, Фельдпост № 59509 — разыскивает сестру Трущенко Прасковью, ст. Гладковской, Кубань.

Дереза Григорий, Фельдпост № 59509 — просит огозваться станичников ст. Терновской, Кубань.